

ЭТНОГРАФИЯ В МАЛАЙЗИИ¹

Если индонезийская этнография до освобождения страны от колониальной зависимости составляла единое целое с голландской этнологией, то малайская (называемая с 1963 г. малайзийской) этнография была столь же неотделима от английской социальной и культурной антропологии. В отличие от Индонезии, первоначально после достижения независимости решительно порвавшей связи с голландской этнографической наукой, Малайзия, добившись независимости, продолжала сотрудничество с английскими школами в этнографии и, развиваясь в русле их идей, плавно перешла к собственным этнографическим изысканиям. Но о них можно говорить, только начиная с середины 1960-х годов, а до этого подлинными центрами изучения народов Малайзии были Англия и США, где первые малайзийские этнографы обучались, защищали диссертации и публиковали свои исследования в английских и американских научных изданиях.

Рождение малайзийской этнографии связано с работами экономиста по образованию Унгу А. Азиза, основателя этноэкономического направления в изучении малайской сельской общины (рыболовецкой и земледельческой). Его, в частности, интересовала проблема социальной стратификации общины [Ungku 1962; 1964; 1965: 1].

Ученик Унгу Азиза Хусин Саид Али, в настоящее время профессор кафедры антропологии и социологии при факультете гуманитарных и социальных наук (Малайский университет, Куала Лумпур), продолжает развивать экономическое и социологическое направления исследований малайской общины. В 1964 г. вышла его книга о малайской общине Кампонг Баган, в которой автор родился и которую хорошо знает. Первоначально работа была написана на малайском языке, а затем переведена на английский [Husin 1964]. В то время, когда Хусин Саид Али изучал общину, в ней было 167 домов, 383 хозяйства и 487 человек. Автор поставил перед собой цель определить, как соотносятся социальная и классовая структуры в общине и какова их роль на уровне всей общины.

Автор предупреждает, что его исследование не является теоретическим, а преследует чисто практические задачи, однако он использует разные теоретические посылки, в том числе и теорию классовой борьбы К. Маркса. Кратко изложив мнения разных ученых, Хусин Али дает следующие определения понятий *класс* и *сословие*: «Класс — это социальная категория, представляющая определенную группу людей, которые занимают одинаковое положение в обществе, имеют одинаковое отношение к средствам производства, играют одну и ту же роль в обществе, прежде всего в его экономике» [Husin 1964: 11]. Если класс, по мнению Хусина Али, это экономическая категория в первую очередь, то сословие представляет статус человека или группы людей внутри социальной иерархии. Оно определяется

---

¹ Впервые опубликовано в: Этнографическая наука в странах Азии: Южная и Юго-Восточная Азия. М., 1993. С. 146–162.

членами данного коллектива и отражает отношения людей, их ценности, взгляды на то, что считается в обществе престижным. Статус человека, таким образом, связан с понятиями социального престижа и социальной оценки [Husin 1964: 11].

После теоретического обоснования Хусин Али переходит к конкретному анализу классовой структуры, социальной стратификации в общине, изучает проблемы земельной собственности, распределения прибылей и приходит к выводам 1) о существовании двух классов в малайской общине — владельцев земли и безземельных; 2) о том, что классовая и социальная структуры перекрывают друг друга, т. е. чем выше экономическое положение человека в общине, тем выше и его социальный статус. Кампонт Баган оказывается, по мнению исследователя, общиной с высокой социальной мобильностью — как по вертикали, так и по горизонтали. Последнее обстоятельство помогает до некоторой степени смягчить проблему безработицы в общине.

Хусин Али ясно сознает, что, исследуя один тип моноэтнической общины, базирующейся на одном виде хозяйства — добыче и производстве каучука, нельзя делать выводы универсального характера. Он призывает исследователей обратить внимание на другие типы общин — с иной хозяйственной, этнической и социальной спецификой (рисоводческой, рыболовецкой, со смешанным населением, матрилинейной структурой, как, например, община минангкабау в штате Негри Сембилан и т.д.). Только тогда можно получить полную картину этносоциальных и локальных особенностей малайзийской общины в целом.

В 1970-х годах Хусин Али продолжает исследования малайской общины, интересуясь проблемой земельных отношений и лидерства [Husin 1968; 1972; 1975]. В 1977 г. выходит его новая книга «Нищета и земельный голод в Келантане» [Husin 1977]. В центре внимания автора — самый богатый в природном отношении и самый низкий по уровню социально-экономического развития штат Малайзии Келантан. Хусин Али отвергает распространенную точку зрения на то, что обнищание связано с перенаселенностью и недостаточным развитием техники, и видит основную причину нищеты в социальном и политическом неравенстве групп населения, в неравных правах на землю. Оценивая правительственные мероприятия, проводимые в 1974 г. в отношении земельной собственности, Хусин Али считает, что они выгодны только богатой прослойке, и приходит к выводу о необходимости изменить систему землевладения в Малайзии. Его книга была оценена этнографами и социологами как вклад в изучение малайской сельской общины [Yusoff 1978: 52–53]. Работы Хусина Али стали известны за пределами Малайзии: в 1981 г. в Европе им была опубликована статья о социальной и этнической стратификации в Малайзии периода независимого существования [Husin 1981].

В 1970-е годы малайзийские ученые, получавшие образование в основном в научных центрах США, занимались изучением социально-экономических проблем современной малайской деревни и защитили диссертации,

посвященные развитию социальных отношений и системе ценностных ориентаций в малайской общине Сарибаса (Саравак), организации управления в малайской общине, изменениям в традиционном мировоззрении малайской общности в районе Малакки [Kling 1974; Narifumi 1974; Nordin 1976; Othman 1977; Yusof 1976; Thaib 1967; Osman 1973].

Из краткого обзора социологического направления в современной малайзийской этнографии уже можно заметить, что в центре внимания исследователей находится малайская община. Это объясняется не только тем, что малайцы составляют большинство деревенского населения Малайзии, и не только недостатком кадров ученых, занимающихся проблемами других этносов, но и особой политикой национального и культурного строительства Малайзии, связанной со спецификой этнической ситуации в этой стране.

Исторически сложилось так, что этническая структура Малайзии представлена тремя крупными этносами (малайцы — около 4 млн, китайцы — 3,5 млн и индийцы — 1 млн), стойко сохраняющими свои культурно-бытовые особенности, что затрудняет общение между ними [Гордеев 1977; Ревуненкова 1974б: 210–231]. Среди европейских ученых, исследующих этнонациональные отношения в Малайзии, утвердился термин *плюральное общество*, характеризующий этническую ситуацию в стране. В малайзийской науке эквивалентом ему является термин *majemik* (букв. «сложный, составной»). На кафедре малайистики и на других гуманитарных отделениях в Университете Куала Лумпура читается курс лекций «Малайцы в условиях составного общества». Однако в 1978 г. этнограф и социолог, ныне профессор кафедры антропологии и социологии Малайского университета Зайнал Клинг высказался против употребления термина *majemik*, который, по его мнению, отражает подход к этнической структуре малайзийского общества с колониальных позиций, так как подразумевает наличие трех независимо существующих замкнутых этносов, между которыми невозможно объединение. Употребление государственного малайзийского языка, признание единого государства всеми гражданами Малайзии, общность социальных, политических и экономических задач, стоящих перед всем населением страны, создают, по мнению З. Клинга, предпосылки для сближения этносов и стирания границ между ними. Поэтому он предлагает считать малайзийское общество полиэтническим, которое постепенно эволюционирует в единое гетерогенное общество или станет, употребляя малайский термин, *masarakat pelbagai* — обществом многообразия [Dewan Budaya 1978: 50]. Но как бы ни определять структуру малайзийского общества, нельзя отрицать существования в нем трех этнических общностей, разных по происхождению, языку, религии, культуре, обычаям, что усложняет контакты между ними. В национальных отношениях скрестились многие экономические и политические проблемы Малайзии. Вот почему создание национального единства признано главной политической проблемой страны, а этнические различия в настоящее время считаются важнее классовых [Alias Muhammad 1978: 14].

Вопрос национальной интеграции, создания единой нации приобрел в Малайзии более острый характер, чем в Индонезии. В решении его при-

нимают участие как политические деятели, так и специалисты по разным общественным наукам, в том числе и этнографы. С точки зрения некоторых исследователей, имеются два понимания этой проблемы: более узкое и более широкое. Национальная интеграция в узком смысле слова предполагает создание такой этнической общности, которая обладала бы способностью к эмпатии, говорила бы на общем языке и разделяла бы один и тот же образ жизни. Национальная интеграция в широком смысле слова означает одновременное действие следующих пяти процессов в обществе: 1) культурное взаимовлияние народов; 2) экономическое сотрудничество, отношения обмена и взаимопомощи между народами; 3) социальная интеграция; 4) создание учреждений, разрешающих конфликтные ситуации; 5) психологическая аккумуляция, создаваемая общим историческим опытом в национальном строительстве [Alias Muhammad 1978: 14, 16].

Решение проблемы единой нации Малайзии зависит прежде всего от того, как складываются отношения между малайской, китайской и индийской общностями, с одной стороны, и каковы их отношения с малыми народами Малайзии, так называемыми аборигенами (*оранг асли*), с другой стороны. Взаимоотношениям между тремя крупными этносами в Малайзии в 1950–1960-е годы большое внимание уделяли английские и американские ученые. Малайзийские ученые проявили не столь глубокий интерес к исследованию этой проблемы в этническом плане [Ginsburg 1958; King 1957; Silcock 1961; Ratman 1965; Taufik 1973; Wang Gungwu 1966]. Они приняли установку на создание единой малайзийской нации, понимаемой как единство всего народа внутри страны, который должен быть воспитан в духе верности и лояльности своему правительству и государству. Такое понимание единой малайзийской нации, так же как и единой индонезийской нации, ближе всего к тому, что имеется в виду в советской этнографической науке под термином *этнополитическое* или *этнорегиональное единство*. Малайзийских ученых больше всего интересует культурологический аспект этой проблемы, а именно: что такое национальная малайзийская культура, на каких принципах ее строить и из каких компонентов она должна состоять? Эти проблемы нашли свое наиболее полное выражение на Малайзийском конгрессе о культуре, состоявшемся в августе 1971 г.

На этом конгрессе были затронуты различные проблемы современного культурного развития Малайзии в самом широком смысле слова: связь культуры с социально-экономическим развитием общества, роль традиционных элементов культуры, а также литературы, языка, искусства, ремесел, средств массовой информации, системы ценностных ориентаций, воспитания в становлении и развитии национальной малайзийской культуры. Выступивший на конгрессе премьер-министр Малайзии Абдул Разак в своей приветственной речи дал следующее определение культуры: «Культура какого-либо народа — это комплекс идей, отношений, верований, символов, общественных ценностей и форм, а также материальных объектов, которые переходят от одной эпохи к другой и передаются по наследству из поко-

ления в поколение» [Asas 1973: 4]. В контексте этого определения культуры и шла работа конгресса.

Вообще же теоретические проблемы культуры довольно скудно разрабатываются малайзийскими этнографами. Их больше интересуют конкретные описания и проявления того или иного культурного влияния. Однако иногда в работах, посвященных какой-либо области культуры, авторы дают свои определения культуры, во многом сходные с приведенным выше определением Абдул Разака. Ряд ученых включает в понятие культуры также образ мышления. Для сравнения приведем два определения культуры. Одно из них принадлежит Азису Дераману в его книге «Общество и культура Малайзии», другое — Газалбе, данное в его книге «Искусство и ислам». Первое определение: «Культура — это то, о чем мы думаем, то, что мы делаем, то, чем владеем в жизни. Она охватывает все области жизни, такие, как наука, верования, искусство, законы, мораль, обычаи, а также образ жизни, и все это является порождением того, что мы наследуем в нашем обществе» [Deraman 1975: 8]². Второе определение: «Культура — это способ мышления и способ чувствования, которые проявляются во всех сторонах жизни человеческого общества в определенном пространстве и времени» [Gazalba 1977; Yusof 1979: 52].

Один из видных современных исследователей духовной культуры малайцев Мохаммад Таиб бин Осман, в настоящее время являющийся профессором кафедры малайистики в Университете Куала Лумпура, судя по его выступлению на малайзийском конгрессе, солидарен с американским ученым Ю. Х. Стюартом; согласно теории последнего культура представляет собой трехчленную структуру: 1) национальное творчество в области науки, литературы, философии; 2) социальные институты; 3) общее поведение, разделяемое всеми членами общества [Steward 1963: 48–50]. Исходя из этого понятия культуры М. Таиб бин Осман считает, что для Малайзии в настоящее время значима только первая сторона культуры, т. е. культура как национальное творчество в области науки, литературы, философии [Asas 1973: 50].

О чем бы ни говорили на конгрессе — о литературе или традиционном театре, языке или архитектуре, музыке или хореографии — все были единодушны в признании того, что сердцевиной, основой и сутью малайзийской национальной культуры должна стать культура малайского этноса. Но при этом подчеркивалась необходимость сохранять дух взаимного уважения и терпимости к культурам других народов Малайзии, обратить внимание на черты, роднящие их с малайской культурой, которые появились в результате общего исторического опыта, долгого сосуществования. Малаизация национальной культуры пока должна иметь чисто внешний характер и проявляться в повсеместном употреблении малайского (малайзийского) языка, национальной малайской одежды, в пропагандировании национальных малайских танцев, театральных представлений, ремесел и т. п. Абдул Разак

² Цит. по: [Hamdan 1979b: 54].

в своей приветственной речи подчеркнул, что этнокультурная ситуация, сложившаяся в Малайзии, уникальна, поэтому она должна найти свой путь созидания национальной культуры, но такой, при котором новые культурные ценности не разрушали бы старых [Asas 1973: 5–6]³. Вопрос о месте традиционной культуры в современной Малайзии занял важное место в работе конгресса. На эту тему было сделано четыре доклада. В докладе Мохаммада Таиб бин Османа говорилось о необходимости придать традиционным элементам культуры новое содержание в современной Малайзии, для чего надо использовать все социальные институты, играющие важную роль в воспитании молодого поколения. И это новое содержание должно быть принято всем народом Малайзии с любовью и уважением [Asas 1973: 51, 53].

В результате работы конгресса было сформулировано около 200 выводов, касающихся развития малайзийской культуры в самом широком смысле слова, и в каждом из них были выделены конкретные малайские элементы, которые должны стать основой общемалайзийской национальной культуры. Ученые выделили три основополагающих фактора, на которых должна базироваться культура Малайзии: 1) культуры этносов, населяющих Малайзию; 2) элементы других культур, соответствующие по духу местной; 3) ислам [Asas 1973: VII].

Естественно, что, руководствуясь официальной политикой малаизации, ученые направили свои усилия на изучение малайской этнической общности в первую очередь. Наряду с работами, посвященными проблемам малайской сельской общины, в 1970-е годы появляются исследования по малайскому фольклору, мифологии [Thaib 1967; 1972], системе родства у малайцев северной части Малаккского полуострова, а также работы, в которых исследуются роль образования в процессе национальной интеграции, адаптация малайзийцев в условиях урбанизированной общности, специфика малайской этнической общности в Малайзии, театральные представления [Kling 1970; Osman 1973; Yusof 1976; Yousof 1976; Othman 1977]. Постоянно подчеркивается особая роль малайского языка как языка межнационального общения и малайской литературы, осуществляющей посредническую функцию с древнейших времен между народами Малайского архипелага. На малайскую культуру возлагается важная миссия интеграции культур отдельных общностей в Малайзии. Один из исследователей призывает изучать многочисленные источники на австронезийских и европейских языках, чтобы в полной мере выявить различные культурные течения, которые впитывала в себя малайская культура, издавна связывавшая народы Тихоокеанского бассейна со всей мировой культурой [Al-Ah-madi 1978: 31, 34]. В 1977 г. выходит сборник под редакцией этносоциолога Зайнала Клинга «Малайское общество: между традициями и изменениями», в котором рассматриваются проблемы традиционных малайских институтов социализации в современной жизни Малайзии, урбанизации

³ Примером может служить Япония. Ср. с Индонезией, которая отрицает для своей страны японскую модель развития культуры и общества.

малайской сельской общины, а также различные вопросы семейной, политической и экономической жизни в современной малайской деревне [Masyarakat 1977].

Основным центром изучения малайского общества и культуры является кафедра малаистики при факультете гуманитарных и социальных наук Малайского университета в Куала Лумпуре. Она существует с 1953 г. В интервью в связи с 25-летним юбилеем кафедры Зайнал Клинг определил ее задачи в период формирования национальной малайзийской культуры: углубленные исследования малайской культуры, традиционных и новых институтов, их роли в современной жизни государства, а также изучение в том же аспекте культур других народов Малайзии. Кафедра малаистики должна, по мнению З. Клинга, внести весомый вклад в концепцию единой национальной культуры, основанной на существующих культурах разных этносов, — концепции, выработанной конгрессом по культуре в 1971 г. [Dewan 1978: 48]. При кафедре малаистики существует отделение антропологии и социологии. Кроме того, на факультете гуманитарных и социальных наук имеется и специальная кафедра антропологии и социологии.

На кафедре малаистики студентам читаются специальные курсы по малайской этнографии и общетеоретические курсы, также в основном на примере малайской этнографии. В лекциях «Введение в изучение малайского общества и малайской культуры» и «Малайское общество и культура» теоретические понятия *культура*, *общество* освещаются на примерах из истории малайской культуры. В курсе лекций рассматриваются вопросы малайского мировоззрения, обычаев, верований, этикета, игр, развлечений, а также системы ценностной ориентации, социальной организации, системы родства, социализации, экономики общины, изменений в обществе в связи с урбанизацией и модернизацией. Специальный курс лекций читается о положении малайцев в условиях многосоставного общества. В лекциях, посвященных методике этносоциологических исследований, большое внимание уделяется проблемам малайской сельской общины (ее экономической, социальной и политической структуре, административному управлению, социальной мобильности и др.). В курсе лекций по малайской культуре студентов знакомят с разными этнографическими методами в изучении культуры, методикой полевых исследований, религией, верованиями народов Малайского архипелага, методами их изучения, подчеркивая связь религии с социально-политическими структурами. Кроме того, студентам читаются курсы по малайскому фольклору и мифологии, а также по этнографии Юго-Восточной Азии (вопросы социальной организации, системы родства, обычаи, религия, современное положение).

Все лекции в университете читаются на малайском (малайзийском) языке, но рекомендованная литература представлена почти целиком исследованиями на английском, кроме книги Рут Бенедикт «Модели культуры», переведенной на индонезийский язык [Benedict 1966]. Из малайзийских исследований рекомендованы только несколько уже упоминавшихся работ Азиза Унгу, Али Хусина, а также диссертация Абдуллаха Хаири, посвя-

щенная урбанизации малайцев в г. Махарани [Ungku 1962; 1964; 1965; Husin 1964; 1968; 1972; 1975; 1977; Hairi]. Кроме того, рекомендуются три работы видного индонезийского этнографа Кунчаранинграта: «Введение в антропологию», переизданная в Куала Лумпуре, «Методы антропологии в изучении индонезийского общества» и «Некоторые основы социальной антропологии» [Koentjaraningrat 1961b; 1967; 1970].

Все названные курсы лекций также читаются и на специальной кафедре антропологии и социологии, наряду с теоретическими дисциплинами (социальная антропология, социология, психология)⁴. На других отделениях факультета, таких, например, как отделение социальных наук и строительства, журналистики, читаются лекции, посвященные проблемам традиций и инноваций в культуре и обществе Малайского архипелага, малайской сельской общины, социальной стратификации малайской общины, культуры Юго-Восточной Азии [Buku panduan 1978/1979].

Поскольку малайская культура легла в основу малайзийской культуры, а малайцы — мусульмане, то в последнее время особенно подчеркивается роль ислама как консолидирующего фактора в национальной интеграции. В 1971 г. на Конгрессе по культуре известный филолог Саид Мухаммад Нагиб Атгас выступил с обширным докладом, в котором он призвал обратить внимание на роль ислама в формировании и развитии малайской культуры, считая, что она до сих пор недостаточно оценена [Asas 1973: 130–137].

В октябре 1978 г. в университете проходил семинар на тему «Малайя и ислам как основы жизни малайзийской нации». Один из выступавших на нем, преподаватель кафедры малаистики Хашим Муса, также подчеркнул роль мусульманской литературы и этики в формировании малайзийской нации, но не настаивал при этом на всеобщей исламизации [Hashim Musa 1979: 37–39]. Об этом же говорил другой преподаватель кафедры малаистики, Хамдан Хассан, в речи, посвященной 25-летию кафедры малаистики. Он отметил как весьма огорчительный факт, что малайцы-мусульмане не осознают специфики своей культуры по сравнению с другими мусульманскими культурами, например с арабской [Hamdan Hassan 1979: 24–25]. Вышли специальная теоретическая работа о стимулирующей роли ислама в развитии искусства и культуры [Gazalba 1977: 5], а также популярная книжка о принципах мусульманской культуры в серии «Культурный фон народов малайской земли», получившие, правда, весьма невысокую оценку в прессе [Zaki 1978; Hamdan Hamzah 1979a: 53–54].

Несмотря на официальное признание малайской культуры доминирующим компонентом в создании национальной культуры Малайзии, нельзя забывать, что одновременно на Конгрессе по культуре 1971 г. было принято решение об участии в культурном строительстве всех этносов, населяющих

---

⁴ Материалы из программы кафедры малаистики и справочника по Малайскому университету: *Jabatan pengajian melayu Unuversiti Malaya. Sukatan Pelajaran. Tahun I, II, III. Sessi 1978/1979; Buku panduan Universiti Malaya, Fakulti Sastra dan Sains social. Sessi 1978/1979.*

страну. На Конгрессе Джеймс П. Онгколи призывал к тому, чтобы каждый народ развивал свою культуру, но направлял ее в интересах общемалайзийской национальной культуры. «Если мы считаем малайскую культуру ядром малайзийской, — говорил он, — то другие народы нашего государства, возможно, отнесутся к ней с подозрением, если только особенности их культуры, пусть самые незначительные, не будут украшать покрывало, которое мы создадим общими усилиями в нашем государстве» [Asas 1973: 158]. Министр образования Малайзии Муса Хитам в своем выступлении о национальной гордости и национальных предрассудках также подчеркнул, что в создании малайзийской культуры не должно быть пренебрежения к особенностям культурного развития других этнических общностей немалайского происхождения: «Национальная культура, к созданию которой мы стремимся, не уничтожает культуру иного происхождения. Национальная культура воплощает в себе союз и взаимопроникновение культур народов, имеющих в нашем государстве, ядром же ее является то, что нам в Малайзии известно под названием “малайская культура”» [Hitam 1979: 26].

Эти заявления ученых и политических деятелей реализуются в настоящее время скорее в отношении малых народов Малайзии. Что касается изучения двух других крупных этносов Малайзии — китайцев и индийцев, то им уделяется меньше внимания. Центрами изучения их являются китайская и индийская кафедры при факультете гуманитарных и социальных наук в Малайском университете Куала Лумпура. Не все ученые Малайзии, так или иначе связанные с этнографическим направлением в изучении культуры, разделяют терпимость и дух уважения к культуре китайцев и индийцев и не все являются сторонниками постепенного вращающегося различия культурных элементов друг в друга, предпочитая действовать более решительными мерами в созидании национального единства и национальной культуры. Так, Исмаил бин Дауд на том же Конгрессе по культуре призывал к тому, чтобы ассимилировать китайцев и индийцев, ведя обучение только на малайзийском языке. Кроме того, он считает, что надо изучать не китайскую или тамильскую культуру в целом, а только культуру этих этносов в Малайзии [Asas 1973: 90]. В таком ракурсе и идет обучение на соответствующих кафедрах. Студентам, конечно, дают общие сведения по культуре и филологии Индии и Китая, некоторые лекции по литературе ведутся на китайском и тамильском языках, но в целом преподавание идет на малайзийском языке и касается в основном проблем китайской и индийской общин в Малайзии, а именно: общественная структура и культура китайцев в Малайзии и Сингапуре, общество и культура индийцев по ту сторону океана, социальные слои индийского населения в Малайзии [Buku panduan: 49–54, 71–77]. Эти курсы не читаются на кафедрах малаистики, антропологии и социологии, а курсы по малайской этнографии не читаются на китайской и индийской кафедрах. Лица малайского, китайского и индийского происхождения изучают особенности своего этноса и культуры в своей же среде и в очень ограниченных пределах знакомятся с культурой других

этносов, что, естественно, не способствует преодолению замкнутости и разобщенности между тремя группами основного населения страны. Единственным связующим звеном, способствующим в какой-то мере взаимодействию культур этих этносов, является малайзийский язык. Для ознакомления населения со спецификой китайцев и индийцев Малайзии в серии «Культурный фон народов Малайской земли» вышли научно-популярные издания «Принципы китайской культуры» и «Принципы индийской культуры» [Wang Gungwu 1962; Idaikadar 1978].

Если отношения между тремя основными этносами, населяющими Малайзию, определяют этническую специфику страны в целом, то отношения их с малыми народами, общая численность которых в 1978 г. составляла 1 млн 195 тыс. [Брук 1981: 482], придают этой специфике еще дополнительные оттенки. К малым народам относятся так называемые аборигены (*оранг асли*) Малаккского полуострова — негрито (семанги), сеной, протомалайцы и коренное население Восточной Малайзии (Сабаха и Саравак) — ибаны, дусуны (кадазаны), бидайю, баджау, меланану, муруты, кедаяны, бисайя, сулу, кенья, пунаны, келабиты и др. Большинство из них — охотники и собиратели, ведущие бродячий образ жизни. Официально коренные обитатели причисляются к малайской этнической общности, так как они имеют общее происхождение с малайцами и языки их принадлежат к одной семье, кроме негритосских и сенойских языков⁵.

Правительство Малайзии начиная с конца 1950-х годов проводит целую серию мероприятий в политической, экономической и культурной жизни, чтобы вовлечь коренное население в русло современности и способствовать его действительной интеграции с малайцами: были выделены средства на развитие у них хозяйства, на улучшение благосостояния и образования, административного и медицинского обслуживания. Ряд мер предприняты для того, чтобы аборигены постепенно переходили к оседлому образу жизни [Alun 1968: 290–306; Carey 1976: 300, 305; Демин 1972: 266–275; Ревуненкова 1982: 159–160].

Было создано специальное Управление по делам аборигенов, директор которого Искандер Юсуф Карей с 1960-х годов ведет серьезные этнографические исследования малаккских аборигенов. Ему принадлежит обобщающий труд по аборигенам Малаккского полуострова, основанный на изучении многочисленных работ европейских ученых, в том числе и работ Н. Н. Миклухо-Маклая, а также на собственных постоянных полевых исследованиях [Carey 1976]. Искандар Карей пересмотрел существующую классификацию аборигенов Малакки, рекомендовал новую на основе последних этнолингвистических исследований; он предложил заменить устаревшие и оскорбительные этнонимы (в частности этноним *семанг*) на нейтральные (*негрито*), подробно описал этнический состав, хозяйство, духовную и материальную жизнь различных локальных групп коренных

⁵ Последнюю классификацию языков аборигенов Малаккского полуострова см.: [Benjamin 1976: 37–128].

обитателей Малаккского полуострова и наметил перспективы их существования в современном обществе. Искандер Карей, будучи профессором кафедры малаистики, читает курс лекций по этнографии аборигенов Малайзии (Западной и Восточной), о проблеме рас, расовых предрассудков и дискриминации [Jabatan 1978/1979]. В 1970-е годы ряд малайских ученых защитили диссертации в европейских научных центрах по различным проблемам социального и религиозного развития малаккских аборигенов [Baharon 1973; 1979; Karim, Vegum 1977].

Что касается изучения коренного населения Саравака и Сабаха, то оно сосредоточено прежде всего в Саравакском музее и издаваемом им журнале, основные силы которого составляют пока европейские ученые. С 1960-х годов в Сараваке появляются первые даякские ученые, среди которых прежде всего надо назвать ибана (морского даяка) Бенедикта Сандина — постоянного сотрудника, затем директора Саравакского музея. С 1975 г он работает в Университете в Пенанге. Бенедикт Сандин — автор нескольких книг по этнографии и этнической истории различных даякских племен Саравака, постоянно издает фольклорные тексты, печатает статьи по проблемам культурного и социального развития даяков [Sandin 1966; 1967; 1975: 53–81; Rubinstein 1973: 63–105]. В Саравакском музее работает ибан Джордж Джамуах, ведущий постоянные полевые работы, автор журнала Саравакского музея с 1949 г., а также так называемый «даяк суши» Ричард Няндох — автор работ по этнографии своего народа, собиратель фольклора клемантанов [Nyandoh 1963]. Бенедикт Сандин и Ричард Няндох связаны с Университетом Новой Зеландии: первый стажировался в нем, второй — помощник новозеландского антрополога У. К. Геддеса.

Этнографы Малайского университета также проявляют интерес к аборигенам Восточной Малайзии. Так, преподаватель отделения антропологии и социологии при кафедре малаистики Яп Бенг Лианг защитил диссертацию на степень *Master of Arts* по малоизученной этнографической группе баджау (морские кочевники) острова Омадал (Сабах). Он подробно описал места их обитания, занятия, рассмотрел проблему данного этнонима. Часть диссертации, посвященная верованиям баджау, опубликована в трудах кафедры [Yap Beng Liang 1978a]. Появилась работа об обычном праве у дусунов Сабаха [Wati Arena 1978; Thani 1979: 53], в журналах *Dewan Budaya* и *Widya* время от времени печатаются научные статьи о различных малоизвестных племенах Саравака и Сабаха — кайянов, кенья, пуанов и др., — в которых дается этнический состав, описывается их хозяйство, социальная организация, обычаи [Yap Beng Liang 1978b: 58–61; Hashim 1979: 33–34; Hussain 1979: 19–20]. Проблема изучения аборигенов выдвигается на одно из главных мест в малайзийской этнографической науке. Об этом свидетельствует все увеличивающееся число публикаций по различным аспектам жизни коренных обитателей, об этом же говорит и обсуждение этих проблем на теоретических симпозиумах и семинарах. Так, в мае 1979 г. две кафедры Малайского университета в Куала Лумпуре — малаистики и антропологии и социологии — провели симпозиум, на котором обсуждались

шесть докладов; среди тем социально-экономического и культурного развития страны в целом обсуждению подлежала и тема «Интеграция коренного населения» [Seminar 1979: 51].

Помимо Малайского университета в Куала Лумпуре изучением этнографии Малайзии в разной степени занимаются некоторые музеи (Национальный государственный музей, Саравакский музей, а также музеи отдельных штатов — Перака, Кедах, Негри Сембилана). Национальный государственный музей образован в 1963 г. на месте бывшего Музея штата Селангор, основанного еще в 1906 г. Он обладает богатыми этнологическими коллекциями, в том числе имеющими мировое значение коллекциями по культуре и быту аборигенов Малаккского полуострова. У музея обширная научная библиотека; регулярно печатается научный журнал *The Federation Museums Journal*. В нем постоянно публикуются статьи по этнографии народов Малайзии, в том числе и коренных ее обитателей.

Один из старейших музеев страны — Перакский музей в Тайпинге, основанный в 1884 г., также обладает богатыми этнологическими коллекциями. Этнографические отделы имеются в Музее штата Кедах (основан в 1917 г.) и в Музее штата Негри Сембилан (основан в 1954 г.), в котором особенно богато представлены малайские древности, прежде всего из жизни народности минангкабау. В Малакке есть музей, сохраняющий культурное наследие малайцев со времен Малаккского султаната (XV в.) [Zulkifli 1977: 3–9; 19–32].

Большую исследовательскую работу ведет Саравакский музей. Он был основан в 1886 г., имеет большие коллекции по этнографии, библиотеку, архив, издает журнал *The Sarawak Museum Journal*. Традиционная тематика журнала — археология, этнография, фольклор коренных обитателей Саравака и Сабаха. Основными научными кадрами музея в прошлом были исключительно английские ученые. Сейчас музей широко приглашает для научного сотрудничества специалистов из других стран. С 1960-х годов в музее и издаваемом им журнале начинают работать этнологи даякского происхождения, о которых уже говорилось, — Сандин, Дж. Джамуах, Р. Няндох.

В 1970-х годах была намечена обширная программа будущих исследований Саравакского музея в связи с задачами социально-экономического и культурного развития Малайзии. Согласно этой программе, этнографы должны сосредоточить внимание на трех главных направлениях: 1) изучение этнических и культурных процессов, результаты которых могут быть использованы в целях национального объединения страны. Наиболее актуальными с этой точки зрения являются полевые исследования у таких малоизвестных до сих пор народов Саравака, как бисайя, сианы, укиты, пунаны; 2) изучение процессов модернизации, социокультурных изменений, национальной интеграции различных народов Саравака и Сабаха; 3) теоретические исследования: предполагается создать новую классификацию народов Восточной Малайзии, написать каталоги этнографических коллекций, начать работу по составлению этнолингвистических карт и на-

чать картографирование культурных ареалов. Все будущие исследования должны сочетать методику прикладной и теоретической этнографии и социологии [Kedit 1975: 29–36]. В настоящее время эта программа, рассчитанная на много лет, планомерно реализуется Саравакским музеем, в основном в первых двух пунктах.

В этнографической науке современной Малайзии, тесно связанной с насущными проблемами социально-экономического и национального развития страны, явно преобладают исследования конкретных проблем культуры отдельных этносов, их социальной организации, возможного участия в создании национального единства. В ней пока нет крупных трудов обобщающего характера, трудно также назвать имена общепризнанных лидеров малайзийской этнографии, которые бы направляли в целом развитие этой науки и задавали бы определенный ритм этносоциальным и этнонациональным исследованиям, подобно таким индонезийским ученым, как Кунчаранингат, Х. Бахтиар, Дж. Дананджайя, Ина Сламет и др. Теоретический пробел малайзийской этнографии в какой-то степени восполнил неоднократно упоминавшийся видный индонезийский ученый Кунчаранингат. Исследуя проблемы индонезийской этнологии в историко-типологическом плане, он не мог исключить из своего научного кругозора и Малайзию, составляющую с Индонезией единую историко-этнографическую область, которая до середины XIX в. развивалась и как единая историко-политическая общность.

В своей книге «Введение в изучение народов и культур Индонезии и Малайзии» Кунчаранингат, обозревая этническое и культурное многообразие этих стран, сводит его к четырем хозяйственно-культурным типам:

I. Тип хозяйства, связанный со сменным огородничеством — выращиванием таро, ямса и других клубнеплодов. Он характерен для этносов, не имевших контактов с другими народами Юго-Восточной Азии, не испытавших влияния индуизма или мусульманства. К ним относятся семанги, сенои Малаккского полуострова, ментавайцы, энггано, население о-вов Солор, Алор, Ветар, Танимбар, Бабар (Малые Зондские о-ва), а также папуасы Западного Ириана, населяющие устья рек.

II. Тип хозяйства, связанный с суходольным или орошаемым земледелием, главным образом с разведением риса. Он характерен для этносов, живущих социально-дифференцированными общинами, которые испытали сравнительно небольшое влияние индуизма и мусульманства, а именно — батаков, тораджей, этнографических групп Флореса, Сумбы, Тимора, Минахасы, Центральных Молуккских о-вов.

III. Тип хозяйства, связанный с суходольным или орошаемым земледелием в прибрежных районах, разведением основной культуры — риса. Он характерен для торговых этносов, на которые сильное влияние оказало мусульманство. К ним относятся прежде всего малайцы Малаккского п-ова, восточной и южной Суматры, прибрежных районов Калимантана, а также аче и гайо северной Суматры, минангкабау и реджанги западной Суматры, буги, макасары, горонтало Сулавеси, население Ломбока, Сумбавы, от-

дельные этнографические группы на других Малых Зондских и Молуккских о-вах.

IV. Тип хозяйства, связанный с орошаемым земледелием во внутренних районах и разведением основной культуры — риса. Он распространен у яванцев, сунданцев, мадурцев и балийцев — народов, живущих социально-дифференцированными общинами и обладающих определенными культурными идеалами, ориентированными на образ жизни высокопоставленных особ дворцов и крупных административных центров.

Выделив четыре хозяйственно-культурных типа в малайско-индонезийском регионе, Кунчаранингат дал описание культурных элементов и тенденций их развития у отдельных этносов — наиболее ярких представителей каждого типа [Koentjaraningrat 1975].

Говоря о задачах современной этнографической науки в Малайзии и Индонезии, Кунчаранингат высказал ту же мысль, что и ранее в отношении Индонезии. Этнография, с его точки зрения, должна изучать в первую очередь проблемы национального строительства, а не фиксировать остатки и следы постепенно исчезающих культур; этнографы должны всячески содействовать национальной интеграции, созданию прочного геополитического единства страны, воспитанию приемлемого равновесия между этническими и общенациональными устремлениями. В соответствии с этой концепцией этнографии как необходимой актуальной науки (*urgent anthropology*) и ведутся исследовательские работы и в Малайзии, и в Индонезии.